

УДК 81-112

НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ АНГЛОСАКСОНСКОГО ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ

© 2008 г.

И.Ф. Янушкевич

Волгоградский госуниверситет

jairina@mail.ru

Поступила в редакцию 09.05.2008

Концептуальная картина мира, являясь следствием активной этноспецифичной деятельности ментального феномена – человеческого сознания, непротиворечиво накладывается на языковую картину мира этноса, формируя сложное лингвосемиотическое образование – соответствующий правопорядково-ориентированный дискурс. Это означает, что правовое сознание как форма отражения реального мира (картины мира) концептуализируется в языке или дискурсе, поэтому возможно описание соответствующего фрагмента картины мира с помощью языковых знаков. Зарегистрированные в древнеанглийском словаре и текстах правовых документов периода раннего Средневековья языковые номинации касаются трех объектов права: жизни человека, земли и имущества. Эти номинации фиксируют создание и динамичное когнитивное освоение англосаксонским социумом понятий легитимного и нелегитимного отношения к объектам собственности.

Ключевые слова: лингвосемиотика права, правовые концепты, англосаксонский правовой дискурс, языковые номинации, объекты англосаксонского права.

Власть как социальный феномен и как поведенческая категория всегда была объектом пристального внимания наук о человеке. Потребность во власти, включающая в себя потребность в материальных благах, потребность в создании необходимого для этого соответствующего порядка в обществе – объекте приложения власти, поставляющем материальные блага, а также потребность в управлении обществом, становится доминантной и вызывает цепочку других потребностей. По наблюдениям А.В. Оляничка, «...для создания общественного порядка необходимо убеждение социума в его необходимости, для убеждения в необходимости требуется создание традиции, т.е. рекурсивности определенных регламентированных событий, что ведет к созданию ритуала; ритуализация общественного бытия влечет за собой формирование неких историко-культурных ценностей. Вся эта цепочка потребностей неминуемо вызывает надобность в инструментах реализации ранее возникших потребностей, при этом главенствующей оказывается нужда в информационном воздействии на общество. Такая иерархия потребностей вызывает к жизни особый тип институционального дискурса – например, правовой или юридический» [1].

Как известно, концептуальная картина мира отражает социокультурную реальность, наполненную культурными смыслами и поддерживаемую определенными конвенциями. Справед-

ливо поэтому утверждение о том, что «...закон, являясь одной из таких конвенций, представляет собой доминирующую форму регулирования отношений в современном обществе» [2]. К сказанному необходимо добавить, что концептуальная картина мира, являясь следствием активной этноспецифичной деятельности ментального феномена – человеческого сознания, непротиворечиво накладывается на языковую картину мира этноса в целом и отдельной языковой личности в частности, совокупно формируя сложное лингвосемиотическое образование – соответствующий правопорядково-ориентированный дискурс. Применительно к последовательно реализуемой властью триаде стадий юридического процесса – законотворчеству, законодательству и законопорядку – все это означает, что правовое сознание как форма отражения реального мира (картины мира) концептуализируется в языке или дискурсе, поэтому соответствующий фрагмент картины мира «обозначает мир в зеркале языка» [3] и может быть определен как соответствующая «совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [4].

Как любой элемент концептуальной картины мира, концепт «закон» подвергся динамике в диахронном представлении того или иного этноса о правопорядке. Правосознание древних англосаксов (VI–XI вв.) неуклонно развивалось вместе с динамикой, совершенствованием и

усложнением разнообразных и разветвленных отношений между представителями все сильнее социально дифференцировавшегося населения Британских островов. Вектор лингвосемиотического развития правовой концептосферы неуклонно разворачивался от наивных интерпретаций права (наивной картины мира) ко все более усложняющемуся смысловому содержанию правовых взаимоотношений социума.

В ходе англосаксонской истории под влиянием крепнущей государственности на территории Британских островов лингвосемиотика права стала складываться в полноценную правовую систему, оказавшуюся инструментом социальной экспликации институциональности, номинированную обширными пластами языковых знаков, постепенно структурировавшуюся в соответствии с формирующимся и расслаивающимся англосаксонским социумом. Наше исследование этого процесса дало возможность выявить лингвосемиотические элементы этой системы и построить типологию правовых англосаксонских номинаций, отражающих иерархию концептосферы права, вербализованной в правовых документах раннесредневекового периода развития англосаксонского государства. Типология таких номинаций включает концепты, субъекты и объекты англосаксонского права, правовые прецеденты и процедуры, формулы правоприменения. Рассмотрим лингвосемиотику когнитивного освоения англосаксами способов законодательной протекции объектов права в период VI–XI вв.

1. Жизнь человека как объект права. В целом угроза жизни, прекращение жизни семиотизированы в дискурсе англосаксонского права концептом **mor?or**, *n* murder, mortal sin и семантически конкретизированы сеткой номинаций с общим значением убийства: детерминантом **myr?u**, *adj* murderous, акциональными существительными **mor?wyrhta**, *m* murderer; **ordbana**, *m* murderer и глагольными номинациями **acwel-lan**, to kill, destroy; **adydan**, to put to death, to destroy, mortify, kill; **amyr?rian**, to murder, kill; **cwelan**, kill, execute, murder; **cwylmian**, to suffer; torment, kill, crucify; **dydan**, to kill [dead]; **ofslean**, to destroy; kill [5].

Прежде всего власть защищала сама себя: так, законы короля Альфреда Великого были направлены на обеспечение безопасности жизни короля и знати, сурово карая всякого, кто на нее посягнет, что дискурсивно закреплено в легислативной формуле-императиве:

Gif hwa ymb cyninges feorh sierwe, ?urh hine o??e ?urh wreccena feormunge o??e his manna, sie he his feores scyldig ealles ??s ?e he age. Gif he hine selfne triowan wille, do ??t be cyninges wergelde [6].

*Of plotting against a lord.
If any one plot against the king's life, of himself, or by harbouring of exiles, or of his men; let him be liable with his life and in all that he has; or let him prove himself according to his lord's wer.*

Важнейшим в законодательстве англосаксов отмечается легитимизация обеспечения правовой защиты жизни и здоровья представителей социума – прежде всего знати, затем простолюдинов, сервов (рабов). Король Этельберт в своем своде законов, который он обозначил как «Правда короля Этельберта» («The Dooms of King Ethelbert»), детализировал наказания (главным образом в виде штрафов) за увечья, нанесенные человеческому телу, что обозначено в следующих дискурсивных императивах, фиксирующих лингвосемиотику тела (части и органы, пострадавшие от физического воздействия): «20. *If the man be slain, let him make bot with twenty shillings.* <...> 35. *If there be an injury of the bone, let bot be made with four shillings.* <...> 39. *If an ear be struck off, let bot be made with twelve shillings.* <...> 43. *If an eye be (struck) out, let bot be made with fifty shillings.*».

В XI в. правовая защита рабов как имущества феодала была унаследована норманнами у англосаксов: Вильгельм Завоеватель в своде своих законов «The Doomsday Book», представляющих собой продолжение законов короля Эдуарда («*This also I command and will, that all shall have and hold the law of the king Edward in respect of their lands and all their possessions, with the addition of those decrees I have ordained for the welfare of the English people*») и их детализацию – особенно в части демографического портретирования населения принадлежащих Короне территорий, фиксирует запрет продажи людей и их вывоз за пределы страны («*I prohibit the sale of any man by another outside the country on pain of a fine to be paid in full to me*»). Степень ответственности за убийство свободного англосакса дифференцированно номинирована в правовом дискурсе англосаксонских королей. Так, «Правда» короля Этельберта фиксирует штраф как наказание за это преступление: «*If a man slay another in the king's tun, let him make bot with fifty shillings. If any one slay a freeman, fifty shillings to the king, as drihtinbeah. If the king's ambihtsmith, or laadrinc, slay a man, let him pay a half leodgeld*». Такому же (несколько более детализированному в правовом отношении) наказанию должны были быть подвергнуты убийцы

согласно своду законов Хлотаря и Эдрика: «*If any one's esne slay a man of an Eorl's degree, whoever it be, let the owner pay with three hundred shillings, give up the slayer, and add three man-wyrths thereto... If any one's esne slay a freeman, whoever it be, let the owner pay with a hundred shillings, give up the slayer, and a second man-wyrth thereto*».

2. Право на землю. В законах англосаксов рассматриваемого хронологического периода было законодательно закреплено жизнеобеспечение социума, о чем свидетельствует лингвосомиотическая система, номинирующая категорию собственности обобщенно представленной лексемой *sceatt, m* property, treasure, coin, money, wealth; payment, price, tribute и поддержанной большим количеством сопутствующих англосаксонских номинаций. Безусловным «лидером» в типологии объектов средневекового англосаксонского права является земля как собственность. Е.Г. Брунова отмечает, что в менталитете англосаксов динамично развивалась горизонтальная проекция мира, в рамках которой прочно укрепилось представление о «своей земле» как равномерно расширяющемся сакральном центре: Земля – это уютный дом для человека, который находится под защитой небесной тверди, крыши народов (*folca hrofes*). Аксиология концепта *land* маркирована позитивной семантикой «своего благоприятного пространства»: свою землю англосаксы представляли просторной (*rūme land, side and wide*), состоящей из прекрасных равнин (*wlitebeorhtne wang*), покрытых зеленой травой и полных лучистого света (*leoht, sciman*), широких угодий (*widlond*), пригодных для успешного хозяйствования вследствие своей упорядоченности и наличию удобных дорог (*wegas nytte*). Это пространство имеет внутренние и внешние границы, причем «принципиальное значение имеет движение: благоприятное – от окраин к центру и неблагоприятное – от центра к окраинам, при этом важна степень удаленности от центра (приближения к хаосу). Такое движение определяет в ряде случаев смену поведенческого и языкового кода, исходя из знакового характера архетипа границы, отражающего пространственный аспект базовой социальной оппозиции *свой vs. чужой*» [7].

Своя земля – это семиотическое пространство срединного мира (др.-англ. *middan-geard* < *midde* «средний, середина» + *geard* «двор, огороженная площадка, поселение»), отгороженного от иного мира, чужого и враждебного, расположенного за краем (др.-англ. *ecg*) или границей

(др.-англ. *tearc*) своей территории; своя земля была признаком этнокультурной идентичности англосаксов, номинированным вербалией *eard* (родная земля, родное угодье). Уже в период раннего Средневековья концепт «земля» располагался в лингвосомиотическом пространстве концептосферы «собственность»: право на землю было необходимо защищать от чужеземцев (др.-англ. *tearcstapa* – преступающий границу), доказывать ее принадлежность и размеры в тяжбе с соседями, укреплять границы своей земли (ср. др.-англ. *haga* – укрепленное, огороженное пространство, участок вокруг дома). Юридически лишение «своей земли» было страшным наказанием у англосаксов за нарушение социальных и религиозных запретов: выдворение за пределы своего пространства символически и семиотически очуждало нарушителя, *ксенизировало* его социальную идентичность (термин П.А. Донца [8]), трансформировало гражданский статус (свой → чужой); изгой переставал существовать для и среди своих, а его права на землю аннулировались, ср.: «*Londrihtes mot / ?aere maegburge monna aeghwylc / idel hweorfan sy??an ??elingas / feorran gefricgean fleam eowerne / domleasan daed*» [Beowulf: 2887–2890] (*His freehold-land / every clansman within your kin / shall lose and leave, when lords highborn / hear afar of that flight of yours, / a fameless deed*)).

Землевладение в раннесредневековой Британии оказалось краеугольным камнем становления юридической системы правосудия: судебная власть сеньора над его вассалами и зависимыми крестьянами в англосаксонской Британии стала носить характер *частной юрисдикции землевладельцев*, о чем свидетельствуют документы середины X века: Альфред Великий закрепил за своими великородными подданными права сеньоров как субъектов – собственников земли, поскольку земли королевства оказывались предметом пожалования в качестве признательного дара за преданность и верную службу (*manor*), а крестьяне, жившие на этих территориях, автоматически переходили в зависимость от сеньора. В ряде хартий английских королей X века зафиксирована дублетная номинация для семантизации процесса транспозиции права юрисдикции над зависимым населением от суда короля к суду сеньора-землевладельца – «*saca и сока*» (др.-англ. *sacu and socn*). Первая денотировала предмет спора, вторая – процесс передачи дела в суд сеньора; общая семантика дублета номинировала полную власть сеньора над урегулированием аграрных отношений в среде зависимого крестьянства (нарушение пра-

вил землепользования, земельные споры и т.п.). Передача права «саки и соки» королями вместе с пожалованием земель тэнам и эрлам с конца X века приобрела характер государственной политики, причём было установлено, что право суда над королевскими тэнами неотчуждаемо и принадлежит исключительно королю.

Передавая право частной юрисдикции представителям землевладельческой знати, король обычно оставлял за собой право рассмотрения наиболее важных судебных дел (убийство, укрывательство преступников, нарушение королевского мира, захваты имущества). К середине XI века была выработана особая юридическая формула, вербализующая сферу частной юрисдикции и позднее вошедшая в правовые системы Англии и Шотландии: «*sake and soke, toll and team, and infangenetheof*». Упоминание этой формулы в земельных хартиях королей означало, что, помимо саки и соки, землевладелец получал право на взимание пошлин при торговых операциях зависимых крестьян (*toll*), право на рассмотрение дел о незаконном владении имуществом (*team*), а также право суда над вором, пойманным с поличным на территории, подчинённой сеньору (*infangenetheof*). Крупнейшие землевладельцы получали также права юрисдикции по более серьёзным правонарушениям, а зачастую под контроль местного институционала или монастыря переходил суд сотни.

Как констатируют исследователи [9, 10], семиотика землевладения как объекта англосаксонского права продемонстрировала явную диакронную динамику. В ходе англосаксонской истории семантические возможности номинации *land* существенно расширились именно в правоприменительном отношении: внутри полисемантической лексемы *land*, в древнеанглийский период обладавшей тремя стержневыми ЛСВ: 1) «земельное держание», «владение», 2) «страна», «край», 3) «суша», – доминантным сохраняется значение *land* – «земельное держание», «владение». Оно поддерживается семантикой довольно большой и семантически однородной группы словосочетаний институционального характера, маркирующих отношения посессивности (имеющиеся, устанавливаемые или утрачиваемые) между субъектом и объектом (землей), с участием глаголов с общим значением: а) владеть землей, иметь землю (*to have the- (some)land, to possess the land, to own the land, to hold the land*); б) наследовать, покупать, приобретать, брать в аренду землю (*to buy some land, to inherit the land, to purchase the land, to lease the land, to enclose some land*); в) терять землю, лишать земли, продавать землю, разде-

лить землю между (*to lose the land, to sell the land, to divide the land, to part one's land on*); отглагольных существительных (*enclosure of lands, a great buyer of land, the loss of land*); определительных словосочетаний (*marginal lands, state lands, place lands*); сочинительных словосочетаний (*house and land, household staff and land, dignities and lands, lands and tenements*).

3. Право на владение имуществом. Становление правовой системы англосаксонского социума в изучаемый исторический период характеризуется динамичным развитием правового отношения к собственности, чему имеются сугубо лингвистические свидетельства: становится очевидным поступательное разветвление концептосферы **sceatt** (собственность – property) до обозначения ее видов (например, **cynd** – унаследованная или приобретенная собственность). Показательна семантическая трансформация языкового знака-имени данного концепта, заключавшаяся в том, что первичными значениями этой лексемы оказались денотации происхождения (*origin*) и ценности человека, его природы (*nature*), его рождения (*birth*), принадлежности к племени (*race*). Таким образом, понятно, что с совершенствованием правопорядка и укреплением англосаксонской государственности в анализируемой лексеме оформилось значение обладания собственностью (*property*). Уже в своде законов англосаксонских королей Хлотаря и Эдрика (последняя четверть VII в.) введено понятие «личное имущество» (**feoh**, *m cattle, herd; moveable goods, propertu; money, riches, treasure*). Королем Альфредом было введено понятие наследуемой и охраняемой законом собственности на имущество, что номинировано лексемой **ierfe**, *n heritage, inherited property*, а король Эдвард Старший (начало X в.) законодательно вводит понятие сделки (**ceap**, *buy, purchase*) как покупки имущества в присутствии свидетеля и с дачей гарантии о добросовестности продавца/покупателя; обратим внимание на то, что закон о покупке стоит первым в легитимном своде: «**On ceap (Of buying)**. And I will that every man have his warrantor; and that no man **ceap** out of port, but have the port-reeve's witness, or that of other unlying men whom one may believe».

Денежный штраф или штраф натуральными продуктами как базовый правовой концепт прочно закрепился в структуре англосаксонского законодательства и был успешно апробирован лингвосемиотической системой правоприменения, о чем свидетельствуют разнообразные дискурсивные легислативные экспликации, на-

чиная от законов королей VI–IX вв. (ср. законы Этельберта – «*If a man slay another in the king's tun, let him make bot with fifty shillings*») вплоть до Книги Страшного Суда Вильгельма Завоевателя («*And those who ought of right to come and are unwilling to appear, shall be summoned once; and if for the second time they refuse to come, one ox shall be taken from them, and they shall be summoned a third time. And if they do not come the third time, a second ox shall be taken from them. But if they do not come the fourth summons, the man who is unwilling to come shall forfeit from his goods the amount of the charge against him – «ceapgeld» as it is called – and in addition to this a fine to the king*»).

Предпочтительность штрафа в денежном измерении, зафиксированная в правовых текстах англосаксов рассматриваемого периода, свидетельствует о динамичном внедрении финансового права, развитии торгового права и регулировании товарообменных отношений нации с миром. На такое течение событий указывает наличие лингвосемиотической системы денежных единиц, монет, драгоценностей и других эквивалентов ценностей: **ead**, *n* riches; **gafolgyld**, *n* state treasury, public revenues; **gewrixl**, *n* exchange, purchase; **hord**, *n* treasure; **hring**, *m* ring; **hyr**, *f* hire, wages; interest; **læn**, *n* loan; **lean**, *n* reward, gift, loan, compensation; **mancus**, *m* a mancus, thirty silver pence, one-eighth of a pound; **ma?um**, *m* treasure, object of value, jewel; **mynet**, *n* coin, money; **pening**, *m* penny, coin, money; pennyweight; **pund**, *n* pound (in weight or in money), pint; weight [L: pondol]; **scilling**, *m* shilling (consisting of a varying number of pence), silver coin; **sincma??um**, *m* treasure; **slite**, *m* rent; **scipe**, *m* pay, wage; **weor?**, *n* worth, value, amount, price, purchase-money; **wila**, *m* a chain of gold or silver worn by women as an ornament; **yndse**, *f* ounce; piece of money, shekel [L: uncia]; **yre**, *m* a coin of Danish origin.

Под защиту закона, охраняющего движимое и недвижимое имущество, попали разнообразные объекты и артефакты, обеспечивавшие потребности англосаксонского социума. Лингвосемиотика легитимно охраняемых объектов жизни и быта англосаксов как имущества, находящегося в личной собственности (короля, его свиты, феодалов, простых керлов и пр.), представлена разнообразными лингвознаками: а) локальной (домашней) недвижимой среды бытования (**e?el**, *m* ancestral home; **ham**, *m* manor, estate; home, house; **hus**, *n* house; temple; dwelling-place; inn; household; **inn**, *n* dwelling, lodging, house; **wic**, *n* dwelling-place, house; village, town; *pl* camp, fortress; street); б) недвижими-

мых объектов, на которых было организовано производство сельхозпродукции (**mylen**, *m* mill; **tun**, *m* garden, field, yard; farm; **?egnunghus**, *n* a house in which an employment is carried on, a workshop; **wyrttun**, *m* garden; **?orp**, *m* farm; village); в) укрепленных недвижимых объектов, находящихся в собственности церкви (**mynster**, *n* monastery, nunnery), города (**tur**, *m* tower, fortress), короля (**cyneham**, *m* royal manor) или знатного феодала (**bold**, *n* castle, temple).

К объектам собственности постепенно стали относить все то, что произрастало, располагалось, производилось на принадлежащей англосаксам земле или водилось в лесах, реках и окружающем Британские острова море. Такие объекты собственности представлены номинациями: а) полезных ископаемых (**grundwela**, *m* earthly riches); б) лесных угодий (**weald**, *l.* *m* forest, weald, wood); в) дичи, охотничьих трофеев как продукции леса (**huntna?**, **hunto?**, *m* hunting, what is caught by hunting); диких животных – (**bar** (boar), **heortas** (harts), **baras** (bears), **rann** (does), **r? gan** (goats), **haran** (hares)); г) речных и морских животных и рыб – **?las** (eels), (pike), **mynas** (minnows), **?leputan** (dace), **sceotan** (trout), **lampredan** (lamprey); д) пастбищ, на которых кормился скот (**mæd**, *f* mead, meadow, pasture); е) скота и домашних животных (**orf**, *n* cattle, livestock; **hors**, *n* horse; **oxa**, *m* ox; **weorcnieten**, *n* working cattle). Отметим, что лошадь была столь ценным имуществом для социума англосаксов, что в текстах юридического дискурса даже фиксировалась ответственность за ее продажу за пределами государства: так, король Этельстан оформил эту ситуацию как правовое нарушение: «*Of horses. 19. Seventhly: that no man part with a horse over sea*». На связь пищевых ресурсов с законодательной институциональностью указывает происхождение древнеанглийского титула **hlaford** (**hlaf+weard** – «хранитель хлеба»).

Ценность продуктов питания была настолько высокой, что в правовой системе англосаксов они признавались в качестве денег, выплат, которыми рассчитывался хозяин или господин с работниками по завершении ими уборки урожая или сенокоса, что лингвосемиотически маркировано лексемами с компонентом **mete** (food): **metegafol** (**gafol**, *n* tribute, tax, duty) и **hreacmete** (**hreas**, *m* rick, heap, stack).

Для англосакса-воина основным имуществом являлось оружие (**gu?sceorp**, *n* armor), типы которого вербализованы разнообразными номинациями стрел (**earh**, *f* arrow; **gu?fla**, *f* battle arrow; **heorufla**, *f* arrow; **herestræll**, *m* arrow; **earhfaru**, *f* flight, or shooting, of arrows; **stræll**, *f*

arrow), копий и их укороченного варианта – дротиков (? **sc?racu**, *f* brunt of spears; ? **tgar**, *m* a short spear, a kind of dart or other weapon to cast at the enemy **gar**, *m* spear, dart; **heresceaft**, *m* spear; **ord**, *m* spear; **spere**, *n* spear; ?**r? cwudu**, *m* spear; **wigar**, *m* spear, lance; **wigspere**, *n* war-spear, dart), разнообразных видов и типов мечей (**beadumece**, *m* battle-sword; **ecg**, *f* edge, point; weapon, sword, battle-axe; **h? ftmece**, *m* hilted sword; **heoruwápen**, *n* sword; ?**eoheax**, *n* hip-sword, short sword that could be worn on the thigh; **mece**, *m* sword, blade; **wápen**, *n* weapon, sword; **wigbill**, *n* sword), кинжалов и боевых ножей (**cnif**, *m* knife; **seax**, *n* knife, hip-knife, dagger), молотов и топоров (**hamor**, *m* hammer; war-axe).

Военным имуществом, охраняемым законом, являлись также изготовлявшиеся из ценимых и дорогих металлов шлем (**beadugrima**, *m* war-mask, helmet; **grima**, *m* mask, helmet; **heafodbeorg**, *f* helmet, protection for the head; **wigheafola**, *m* helmet; **walu**, *f* rib; metal ridge on top of helmet; **helm**, *m* protection, helmet), щит (**randbeag**, *m* boss (of a shield), shield **sciold**, *m* shield; protector; defense) и кольчуга (**beadurh? gl**, *n* coat of mail; **hringloca**, *m* coat of ring-mail; **herebyrne**, *f* corslet). Имущественным объектом права считались конь воина (**eo**, *n* war-horse) и военный корабль (**fierdscip**, *n* battle-ship). Военное имущество охранялось законом, что дискурсивно поддержано в легислативных канонах англосаксонских королей. Так, среди законов короля Альфреда Великого одним из важнейших был закон «Of those men who lend their weapons for man-slaying», императивно регулирующий передачу воином личного оружия другому лицу и запрещающий его использование в злонамеренных целях:

«Gif hwa his w? pnes o?rum onl?ne, ??t he mon mid ofslea, hie moton hie gesomnian, gif hie willa?, to ?am were... Gif sweordhwita o?res monnes w?pn to feormunge onfo, o??e smi? monnes andweorc, hie hit gesund begen agifan, swa hit hw? ?er hiora ?r onfenge, buton hiora hw? ?er ?r ?ingode, ??t he hit angyld healddan ne ?orfte».

«If any one lend his weapon to another that he may kill some one therewith, they may join together if they will in the wer... If a sword-polisher receive another man's weapon to furbish, or a smith a man's material, let them both return it sound as either of them may have before received it: unless either of them had before agreed that he should not hold it angyld...»

символически презентировавшие мощь и незыблемость королевского правления. В лингво-семиотической системе охраняемого правом имущества богатых англосаксов зафиксированы лексемы, номинирующие дорогие и красивые вещи – ювелирные предметы (**goldgeweorc** *n* golden object), посуду (**seolforf? t** *n* silver vessel; **goldf? t** *n* golden vessel; **goldfell** *n* gold plate; **goldleaf** *n* gold leaf or plate), всевозможные орнаменты (**goldbleoh** *adj* golden-hued; **goldfáted** *adj*, **goldhladen** *adj* plated or adorned with gold; **goldfag** *adj* variegated or shining with gold; **goldfr? twe** *f pl* gold ornaments; **goldfyld** *adj* covered with gold; **goldwreken** *adj* inlaid with gold; **goldhroden** *adj* ornamented with gold; **goldbeorht** *adj* bright with gold; **seolforhammen** *adj* plated with silver, silver-coated), которые изготовлялись из золота (**gold** *n* gold; **goldyra** *m* gold ore; **goldwecg** *m* a lump of gold) и серебра (**seolfor** *n* silver). Золотом и серебром отделялось оружие (номинации **seolforhilted** *adj* silver-hilted; **goldhilted** *adj* golden hilted; **hringmáled** *adj* adorned with rings (of a sword)), доспехи (номинация **goldhoma** *m* gold-adorned coat of mail), ткацкие изделия (номинации **goldgewefen** *adj* woven with gold; **gold?ráed** *m* gold thread), рукописи, которые выполнялись на тонко выделанной телячьей коже (номинации **goldfellen** *adj* of gilded leather; **goldfyll** *n* gold leaf, gold foil); так, например, в одной из англосаксонских загадок описывается рукопись Библии, орнаментированная золотом, сама по себе являвшаяся драгоценностью, как и все книги, высоко ценившиеся англосаксонским обществом и, с одной стороны, являвшие собой высокочтимые сокровища духовных знаний, а с другой – предметы роскоши, поскольку изготовлялись по весьма трудоемкой технологии кожевенного искусства:

Mec si??an wra h?le? hleobordum, hyde eoenede, gierende mec mid golde; for?on me gliwedon wr?ætlíc weorc smi?a, wire bifongen.

Shield-boards clothe me and stretched hide, A skin laced with gold. The bright song Of smiths glistens on me in filigree tones (the Bible) (Anglo-Saxon Riddles from Exeter Book).

Под защитой англосаксонского закона уже в обозначенный период находились драгоценные металлы и изделия из них как неперменные составляющие имущества короля и знати, семиотизировавшие властную институциональность,

Правовое институциональное предназначение этих металлов заключалось в том, что они использовались для законной операции обеспечения государства финансами: из них чеканились монеты (номинации **seolfring** *m*, **seolforstycce** *m* piece of silver, a coin); серебро использовалось как мера веса (номинации **seolforgewiht** *m* silver-weight, the scale of weight by which silver is weighed, where the pound is of 16 ounces); короли расплачивались золотом за верную службу, золо-

то было синонимом сокровищ и богатства (номинации **goldmā?m** *m* treasure; **goldæht** *f* wealth in gold **goldhord** *n* treasure of gold, treasury).

Закон защищал также имущество церкви. Источником имущественного благосостояния церкви явились королевские земельные пожалования, так как англосаксонские общинники отказывались передавать свои земли церкви [11], что объяснялось тем, что земля считалась германцами достоянием племени от личности предка, владевшего ею; таким образом, невозвратное отчуждение земли воспринималось как оскорбление, наносимое прашуру и роду в целом. В дальнейшем законодательное слияние королевской власти с властью духовной способствовало семиотизации этого союза в институциональном смысле: так, король Уитред (695 или 696 г.) освободил церковь от уплаты налогов и повелел духовным лицам молиться за короля и почитать его без принуждения. Он же сформулировал в своем судебнике императив «*Let the word of a bishop and of the king be, without an oath, incontrovertible*», символически закрепив институциональный союз власти и церкви. Им же была установлена плата за нарушение предоставляемого церковью покровительства (50 шиллингов), приравненная к плате за нарушение покровительства, предоставляемого королем. Правовая охрана имущества церкви дискурсивно закреплялась и детализировалась в текстах законов, издаваемых и другими королями англосаксов. Так, король Этельберт охрану имущества церкви поставил первым в ряду прочих своих установлений: «*1. The property of God and of the church, twelvefold; a bishop's property, elevenfold; a priest's property, ninefold; a deacon's property, sixfold; a clerk's property, threefold; churchfrith, twofold...*» Король Альфред Великий в своде законов специально сформулировал положение о наказаниях за кражи в храме:

Gif hwa on cirican hw?t ge?eofige, forgyldre ??t angylde, ??t wite swa to ?am angylde belimpan wille, slea mon ?a hond of ?e he hit mid gedyde. Gif he ?a hand lesan wille, him mon ??t ge?afian wille, gelde swa to his were belimpe.

Of stealing in a church. *If any one thieve aught in a church, let him pay the angylde, and the wite, such as shall belong to the angylde; and let the hand be struck off with which he did it. If he will redeem the hand, and that be allowed him, let him pay as may belong to his wer.*

«Кража имущества» и сопоставимый с этим преступлением «грабеж имущества» – центральные антиценностные концепты в концептосфере «собственность». Они наиболее частот-

но актуализированы в лингвосемиотической правоприменительной системе и дискурсивно вербализованы номинациями **stalu**, *f* stealing, robbery, theft; **?eof**, 2. *f* theft; **ran**, *n* open robbery [ON] и **wegreaf**, *n* robbery в текстах законов всех англосаксонских королей как «преступление против власти» и общества в целом. В англосаксонском юридическом дискурсе закреплены номинации преступных действий кражи и грабежа (**stelan**, to steal, rob; **reafian**, to rob, take by force, ravage); номинированы деятели (**wealdgenga**, *m* robber, thief; **?eof**, 1. *m* criminal, thief, robber). Особо выделена номинация вора, пойманного на месте преступления (**hand-haebbende**). Негативное отношение к преступлениям данного типа отражено в жестком законодательстве англосаксонских королей: так, британские историки права свидетельствуют о том, что «...*the laws which affected a thief himself were very severe. Anyone above the age of 12, who was caught stealing property above the value of eight pence, was liable to capital punishment. The extreme penalty was not in all cases exacted; but in case of repeated conviction there was to be no remission. He who struck down a thief in public was rewarded*» [12].

Наказания за кражу и разбой имели разную степень тяжести, что дискурсивно засвидетельствовано в разных сводах законов англосаксонских королей; впрочем, стремление получить финансовую выгоду из правового случая кражи или грабежа заставило практически всех англосаксонских королей включить в своды своих законов штраф как основное наказание за эти преступления, ср.: «*If a freeman steal from a freeman, let him make threefold bot; and let the king have the wite and all the chattels*» (Этельберт); «*Of those accused of theft. If any one be accused of theft, then let those take him in borh who before commended him to his lord, that he may justify himself thereof; or let other friends, if they have any, do the same. If he knows not who will take him in borh, then let those on whom it is incumbent take an in borh on his property. If he have neither property nor other borh, then let him be held to judgment*» (Эдуард Старший) и др.

Как следует из анализа семантики вышеперечисленных номинаций, к концу XI столетия в англосаксонском социуме сформировались четкие представления об адекватном закону поведении и об институциональных мерах, необходимых для коррекции девиаций от законодательной модели этого поведения. Описанные лингвистические знаки объектов права зарегистрировали создание и динамичное когнитивное освоение англосаксонским социумом понятия отношения к объектам собственности.

Список литературы

1. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация. Монография. Волгоград: Нива, 2006. С. 87.
2. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах. Дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. С. 28.
3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001. С. 66.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 66.
5. Hall, J.R. Clark. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. – Univ. of Toronto Press, 1991.
6. The First Written Laws of The Anglo-Saxons [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fordham.edu/halsall/source/560-975dooms.html>
7. Брунова Е.Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира. Автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 28.
8. Донец П.А. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Монография. Харьков: Штрих, 2001. 386 с.
9. Уфимцева Н.В. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 176–177.
10. Самохина Е.А. Номинация LAND в англоязычной агрокультуре: опыт семантического анализа // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук / Под ред. А.В. Олянича. Волгоград: Нива, 2005. Вып. 1. С. 109–113.
11. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
12. Trevelyan G.M. A Shortened History of England. Penguin Books Ltd., Harmondsworth, Middlesex, England, 1974. P. 79.

**THE DENOMINATIONS OF THE OBJECTS OF ANGLO-SAXON LAW
IN MEDIEVAL LEGAL DOCUMENTS**

I.F. Yanushkevich

The conceptual model of the world as a result of ethnospecific activities of the mental phenomenon – the human consciousness – is consistent with the language picture of the world forming a complex linguosemiotic phenomenon in the shape of a relevant legal discourse. This means that the legal consciousness as a form of reflecting the real world (a model of the world) is conceptualized in the language or in the discourse and thus it is possible to describe the corresponding fragment of the picture of the world by means of lingual signs. The lingual denominations which were registered in the Old English vocabulary and in the texts of legal documents of the early medieval period denote the three objects of law: human life, land, and property. These denominations reflect the making and the dynamic cognitive assimilation by the Anglo-Saxons of the concepts of legitimate and non-legitimate attitude to the objects of property.